

Елена Черникова

Елена Черникова – писатель, для которого ни критикам, ни книгопродавцам пока не удалось найти типологического определения, несмотря на то что её книги – и художественные, и учебные – бывали бестселлерами. Её творчество – это «проза Елены Черниковой»: во всех жанрах – вне правил.

Выпускница Литературного института им. Горького (1982).

Автор романов «Золотая ослица», «Скажи это Богу», «Зачем?», «Вишнёвый луч», «Вождение бездны», сборника «Любовные рассказы», пьесы «И пока любовь не разлучит нас», учебника «Литературная работа журналиста» (2007), пособий и руководств «Основы творческой деятельности журналиста», «Азбука журналиста», «Грамматика журналистского мастерства», многочисленных публицистических произведений в печатной прессе и радиопрограмм в прямом эфире.

Член жюри международных и всероссийских конкурсов – литературных и журналистских.

Произведения Елены Черниковой переводятся на иностранные языки.

Живёт в Москве.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Черникова_Елена_Вячеславовна
<http://elena-chernikova.narod.ru/>

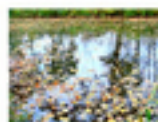
32 ПОЛОСЫ

Ознакомительная литературно-художественная книжная серия

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕРИЯ

Посторожи моё дно

Елена
ЧЕРНИКОВА

«НЮАНС»
Таганрог
2013

Елена Черникова

Посторожи моё дно (сборник)

«Автор»

2013

Черникова Е. В.

Посторожи моё дно (сборник) / Е. В. Черникова — «Автор»,
2013

«Посторожи моё дно. Любовные рассказы исправленные и дополненные»
Елены Черниковой – это продолжение её сборника «Любовные рассказы» (М.,
2001). В её прозе как правило, воспроизводятся невымышленные ситуации,
порождаемые человеческой любовью и мыслями о ней.

© Черникова Е. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Посторожи моё дно	6
Тун	9
Случай на работе	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена Черникова

Посторожи моё дно

© Е. Черникова, 2013

© И. Огнев-Глайдер: фирменный стиль серии, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посторожи моё дно

Я несерьёзна, но если болтают о крысах, нудят о памяти, приметах, знаках и судьбах, и особенно когда *при мне* размышляют о творчестве, – отстреливаюсь этим сюжетом.

Ночью, в мороз, на Пресне, в собственной квартире, сижу в продольно-полосатой пижаме, сочиняю заметку об Ирландском море: желая денег, пытаюсь втиснуть опыт странствий в журнал для новых мещан. Волнуюсь от ночной ненависти к буквам, потому как я никогда не пишу ночью.

Шероховатая тишина города уже пузырится в ушах, но брошу на полдороге – не вернусь, а утром забуду, что несла глянцевым мещанам, которые по молодости ходили в малиновых пиджаках, а у выживших завёлся вкус. Они хотят высоких новинок, и редактор просит меня написать им об Ирландии: говорит, наш журнал для сверхновых, они в пиджаках индиго.

Одиночество моя слоисто висит над голым паркетом, как дым после пьянки. Пора послать мещан и спать, но я пишу, спину свело, руки скрючены. Старинные часы нашипели полвторого.

Цитата из меня: «Море в Ирландии страстное, как матадор, и доверчивое, как дошкольник. Где ни живи, всегда помни: сегодня, сейчас от ирландского берега медленно отходит море, обнажая дно. Как Ла-Манш, если смотреть из Франции, от Мон Сен-Мишель, – исчезает, оставляя по себе топкие, бескрайние донные глины. Но во Францию Ла-Манш приползает блудным сыном, а бесстыдный ирландец, нагулявшись, как вернётся да как шмякнется в скалы, распугает зевак на берегу, потопчется и опять – шнырь за горизонт».

Журнал для туристов *высшего среднего* класса ждёт от меня небайийской, нетайской и неегипетской невидали. Редактор сказал, что целевой сегмент набылся в Турции по горло и чешет себе новые паруса. Стиль моей песни об Ирландском море, доверчиво бросающем дно людям, уже два часа как не соответствует фирменному стилю журнала, но меня жжёт одно любовное воспоминание, и я мечтаю тайно растереть его по заметке между строк, будто симпатическими чернилами.

«...Коричневато-серые глины его кисельные, влажные, будто им впервые. А море будто просит, уходя: посторожите, пожалуйста, мое дно. Личная просьба моря, и от удивления соглашаешься и полдня стережёшь ему беспомощное дно. Изумление равнинного жителя: пейзаж за окном меняется два раза в день». Как видите, автор застрял в глине, любовь не растворяется, воспоминание не выплёскивается, а горловина сосуда забита московским льдом.

Ублажить ветеранов Анталы, познавших олл инклюзив, значит умолчать, что Ирландия не всё включает, что скалиста и наглухо католична, но МРЗ-мессы без пастора, молятся под фанеру; островная вода гуляет; соборы крысиного цвета; по Дублину ходят холёные олигофрены (абортны запрещены плюс браки среди родственников).

Ночь загустела, и я на ней лаврушкой на холодце. Статья, конечно, не ложится на холст, ибо целевой сегмент и предмет отображения – враги.

Часы бум, бум. Два часа. Никогда не пишу ночью, а тут волны злого куража, похожего на вдохновенье, пришли. По сетчатке плывут кляксы. Вытаскиваю себя из кресла, но мстительное вдохновенье – вызвала? – пришло и зовёт. Оно требует кефира. Внезапно, сразу, ночью, в стужу, на Пресне. Неразумно. На мне тощая, мешковатая, полосатая пижама с чужого плеча, мохнатые тапки-носки, я лохмата. Я страшна.

Неукротимая в желаньях, понимаю, что за кефиром идти придётся. Измочаленный в борьбе с фоновыми знаниями среднего класса, мой мозг не заснёт, если я не дам ему. Платная психотерапия говорит, что мир всегда хорош, а мы должны всего лишь поменять своё отношение. Пробовала. Не без успеха.

Разбитые сапоги на босу ногу, рваная дублёнка бывшего родственника, патлы дыбом и жёваная пижама в голубую полоску – чисто горгона – выпрыгиваю на улицу в рассуждении перепорхнуть через ледяную площадь. У метро круглосуточный гастроном, а в нём кефир, без которого я десять минут как жить не могу. Промедление невозможно. Мои фоновые знания не без юмора подпевают *переведииии меня через майдаааан...*

...В юности, познавая себя, влюбилась я в тонколицего, но толстокожего принца родом из Тбилиси и сходу выучила грузинский язык, дабы чувствовать душу мальчика и правильно касаться её перламутровых струн. Сдала государственный экзамен по грузинскому на отлично. Мальчик вырос и уехал жить в Париж. Общий наш язык я подзабыла, но себя узнала: если мне надо – пойду и выучу язык целевого адресата.

До гастронома метров сто. По земле шуршит сухая марля, имитирующая снег. По небу прыгают отсветы звёзд. Парю в хаосе, как небезызвестная молекула протовещества накануне Большого Взрыва. Ни машин, ни прохожих. Да, всё-таки ночь, но и ночи надо знать меру, чтоб оголяться-то до положения риз. Я, к моему счастью, успеваю удивиться, выныриваю из себя и стою ровно, а правая нога, шаловливо-карикатурная в битом сапоге с чужого плеча, висит над тротуаром. Левая вырастает в асфальт.

Я воткнута в Пресню, как памятник цапле Ц в азбуку для начальной школы. Марля мёрзлой позёмки внезапно исчезла, и дорога до метро «Улица 1905 года» дышит и приподнимается, и всё кругом – коричневая шерсть. Небо позеленело и мигает чёрными прорезями космоса.

В здравом уме, твёрдой памяти, трезвый человек, алчущий кефира, застывает, как морская фигура, и смотрит, как от бульвара Трёхгорки, где послушно мёрзнет в первом круге спирали вековой пролетарий Ивана Шадра со своим античной красоты булыжником, в сторону многофигурной композиции, осеняющей площадь пассивным чугуном памяти первой революции, то есть противу земной хронологии, – а также от крепостных ворот фастфуда к бывшему Краснопресненскому универмагу, считай, от меня (в широком понимании) в сторону метро волнообразно течёт пространство, полное крыс; головы втянуты, зернисты полукружья спинки, и хайль беззвучен и хвостат.

Но на одной ноге стоять неудобно. Поправляю очки, покрепче запахиваю дублёнку, – она без пуговиц, а в дыры дует ночь, – и делаю новый шаг, с амбицией на кефир, а коричневая пахта не без изящества раздвигается, на миг открывая черноту асфальта, и кто-то вдруг тонко пищит «и-и-и».

Кефир несколько не теряет привлекательности. Напротив, я уже вся хочу его, будто мне с ним под венец. Я дойду. Это был *мо-о-о-й путь*, повеяло Синатрой. Пусть мелодия ночи замерла на фермате, я и по крысам дойду до своего кефира, – захлопал ресницами третий глаз.

Всё шерсть. Кроме деревьев. Крысы мягко текут, как море за горизонт, – к метро, на тот же полюс, куда припадок творчества влечёт меня за кефиром.

Позже я узнала, что в начале XXI века в Москве на каждого жителя-человека приходилось до двенадцати особей, а увидеть полную миграцию городских крыс можно максимум один раз в жизни. Не рекомендую.

Я делаю третий шаг и обнаруживаю себя на переходе через Пресню. Четвёртый шаг – я прячусь в звёздах. Пятый – стою под дверью гастронома. Вхожу и покупаю кефир.

Воздев бутылку над головой, как рыбак пудовую треску, как пионер привет, как Золушка немаленького Принца, я гордо выхожу на площадь. Крысы не отвлекаясь мигрируют, морозная Москва спит, никого, и ночь тиха, в глубине бульвара притаился единственный тут человекоподобный, и я, как шутница, успеваю подумать о его бесполезном булыжнике.

На мне, как вы помните, рванина. Я пугало. Я победно размахиваю кефирной бутылкой, все моря по колено. Извините, тут, наконец, рассказ и начинается. Пишем сценарное *вдруг*, и в моё плечо мёртво вливается рука, пахнущая настоящим человеческим перегаром. О чудо!

Человек. Адам. Красная глина. Что ясно, как день шестой. Из глинистого дна ирландского моря, утекшего крысами за горизонт Пресни, вырос небритый мачо подшофе. Он разворачивает меня рывком и мокро хрипит в ухо:

– Паайдём сааа мной, краасавица, зааплачу! Дэньги есть!

В опасности я всегда мобилизуюсь.

Так. Что-то в его прононсе. На идентификацию – одна попытка, что очевидно, как утекающая навек статья для среднего класса.

...Этот рокочущий в горле говор я знаю. Дети гордого народа, от турок и персов спасавшегося на Пресне веками, простодушны до опереточности; я очень глубоко изучала их историю, когда рок юности вынудил меня учить язык неверного возлюбленного.

– Батоно! Вы очень красивый, – вежливо говорю я, молниеносно входя в лучшую, тифлисскую версию грузинского языка, без применения валявшуюся в голове четверть века, – но сегодня, простите, я не могу пойти с вами, потому что мне надо срочно выпить мацони. Я хочу выпить мацони, простите, уважаемый господин. Я иду к себе домой. Нахвамдис, батоно! – и легчайший кивок, и меня ждёт белый слон под золотым балдахином, а я в пурпуре.

Мацони потому, что мой русский кефир ему никто, а мацони для грузина – свой брат. Вещь истоковая, как царица Тамара, или великий Шота и «Витязь в шкуре барса», или в тигровой, в зависимости от переводчика. Поэму давали хорошим девушкам в приданое. Хорошая девушка – это читательница «Витязя» Руставели, такую можно любить и сватать. *Садга хар, чемооо Суликоооооо*, – дополняя ему до шока, напеваю я.

Оцепеневший батони разжимает пальцы, трезвеет и по-детски улыбается, будто Сулико воскресла. Наш фантастический контакт превращается в идеальную межкультурную коммуникацию. Я попала в трепетную сердцевину фоновых знаний моего единственного на данный момент и действительно *целевого адресата*: там, где рос мальчик, никогда не пристают на улице к *своим*! Он понял, что я тверда и царских кровей; как раб, отпрянул хмельной господин в ужасе пред чуть было не содеянным – и наступил на крысу. Ей не понравилось. Визг по земле, побелелые щёки под синей щетиной, глаза вполплощади, но из-за угла наконец выруливает патрульно-постовая машина, из окна которой торчит автомат.

Гран батман в сторону дома, и – дверь на пятом этаже. На кухне свет. Я свинчиваю крышку и без промаха наливаю кефир в стакан. Выпиваю. Сажусь на пол. Дышу.

Потом иду в кабинет, жму *выделить всё* и – всё. Delete. Спать. Статья не состоялась. В декабре 1825 года Пушкину хватило зайца, чтобы не поехать в Петербург. Наш брат литератор теряет нюх: мне понадобилась целая Пресня крыс, чтобы никогда больше даже не пытаться писать для среднего класса. Потому что его нет, не было и не будет.

Москва, Пресня, 1999–2013

Тун

Ефиму Бершину

Тун по-армянски – дом

Сочинение «Тун» написано по приглашению журнала «Ереван», где и опубликовано в 2011 году.

Я черепаха-сирота, комик-урод; оставлена земными родичами; дом всегда со мной: выйти не могу, взять к себе – некуда. Прибита к дому.

Полвека втуне пропадает страшная жажда дома на две черепахи, но из кожи не выйдешь, мой дом приращен, и неси его, черепаха-сирота. И несу. Ты – урод, сирота. Столько любви нет на земле.

Вечное втуне, тщета, безнадежность, порву на летящее, прицельное, горячее *в* и старинный армянский *тун*. Порву, и в небесном доме встретимся – люди, черепахи. И я, сирота, перестану лить бесконечные слёзы, втуне веками каменевшие на ледяном открытом воздухе космоса бездомных.

«Жизнь – это путь домой», – сказал американец Мэлвилл, писатель. Знал. Откуда? Видимо, был черепахой.

Полвека течёт из глаз горячий, послушный, мокрый натрий на корявый кальций панциря, и схватываются они в сердце, и оно твёрже углерода. Нечеловеческая это химия вышла у вас, ребята.

Алмазное проклятие сиротства.

Армяне говорят: где крепко строишь, там жить не будешь. Правда это. Правда. Мой панцирь крепче стали: бездомье черепахи-сироты, а сирота никогда не живет, но слепо, втуне, поводя тонкой дурацкой шейкой, ищет самый большой на свете тун.

...И когда слёзы кончаются, рыдаешь сухо в колючий куст, потом кровью на песок, потом молчишь и ничего не говоришь, ибо никто не поймет, и никто не может рыдать так долго, а потом сухо, а потом кровью, – только сирота-черепаха.

Тун мой, тун, где ты? Возьми черепаху.

Случай на работе

*Жизнь – это путь домой.
Герман Мелвилл, американец, писатель, XIX век*

Если вы писатель и увлекаетесь потоком сознания, то я вам сочувствую. Текущее сознание куда как страшнее текущей жизни.

Поэтому рассказываю про жизнь.

Дело было на работе. О ту пору я ещё трудилась на небольшой радиостанции, вещавшей исключительно в прямом эфире сплошным потоком ток-шоу. Сидят ведущие по очереди у микрофона и беседуют с гостями. Слушатели звонят напрямую, задают вопросы различной степени каверзости, спорят, и жизнь кипит.

Деятельность сия была весьма интересна для всех участников процесса, однако крайне утомительна для ведущих. Усталость накатывала неимоверная, страдали нервы и даже слух. В наушниках работать очень вредно. Но я не покидала эту работу, упрямо любила её, да и сейчас, наверное, люблю. Но то, что случилось в тот понедельник, было, конечно, сигналом к отступлению. Я не сразу это поняла. А ведь такое могло случиться только в тех условиях, где постоянно говорят, говорят – и договориться можно только до чёртиков.

Собственно, кто я такая на самом-то деле... Сирота с детства. Женщина с ребёнком. Несколько разводов. Близорукая, нервная, приближаюсь к элегантному возрасту. Правда, ещё не приблизилась.

Вечер. Уже стемнело. Ранняя весна, ненавистное время года. В воздухе запах металла – от пробуждающихся почв, людских надежд, набухающего семени бытия. Это самое семя, готовое проклюнуться, всю жизнь, с самого детства, я ощущала всей кожей, всеми своими вечно перенапряжёнными нервами. Я ненавидела это всеобщее ожидание неведомого и немыслимого счастья, о котором немало песен сложено. Так ненавидела, что даже свой день рождения, как раз весенний, воспринимала неумеренно и трагично.

...С пяти до шести у меня была очень трудная передача, из которой я выползла еле живая. Слушатели не хамили, всё было нормально, только устала от темы: как нам всем, россиянам, драть нас некому, любить друг друга, чтоб дружно противостоять любой напасти. Это была историческая передача, с аллюзиями, параллелями и перпендикулярами. Мой гость-историк, упоённый, высказавшийся, благодарный, убежал вприпрыжку домой, а я пошла в общую редакционную комнату, где большой серый диван, и прилегла на его ласковую велюровую шкурку, принялась мечтать. Вот, думаю, вошел бы сейчас в дверь добрый человек с валокордином, накапал бы мне в рюмочку.

Вошла небольшая начальница.

– О, вы ещё здесь, дорогая?

– Отдыхаю.

– Тогда, пожалуйста, будьте любезны, если вас не затруднит, но сейчас придёт наш новый внештатный корреспондент, он солидный человек, он работает в международном отделе во-о-он там, надо ему бланк договора дать, чтобы подписал, а то я в эфир ухожу. Вы примете его, ладно, дорогая? – на одной ноте вежливо попросила небольшая начальница.

– Имя-отчество?

– Александр Иванович. Вот договор. Побудьте здесь, дорогая... – и еще на полминуты вежливого треска, хотя уговаривать меня вовсе не надо было. Я ещё не собиралась уходить, поскольку мне в тот день было очень бездомно. Весна уже начиналась, всё по плану.

Бездомность – это обычное состояние всех сирот, в котором они редко кому признаются. Любая сирота со стажем – это вообще кокон, в который чужих не пускают. Начинаящая сирота

ещё не понимает своей особенности, верит утешающим окружающим с их песенкой про *жизнь продолжается*. А на самом деле сирота – угроза обществу. Оно думает, что время прошло, и сирота успокоилась. Это не так. Сироте нужно столько любви, сколько просто нет в мировом запасе.

Ну, придёт так придёт. Лежу дежурю. В телевизор поглядываю. Там что-то про любовь. Я поморщилась, вспомнив недавний развод. Мне плохо, когда весна, когда про любовь, когда бездомно, когда некуда идти. На экране принялись целоваться. Я поискала дистанционный пульт, чтоб выключить эту гадость, но пульт скрылся. Встать с дивана нет сил. Зажмурилась и терплю. Жду внештатника. Всё-таки развлечение. Вот здесь напишите адрес, вот тут подпишись, вот сумма, на которую вас нанимают.

Открывается дверь, и входит мужичок-с-ноготок в чёрном кожаном пиджаке, с типичным для международного отдела лицом. Понятно. Здравствуйте. Вот договор. Вы, видимо, Александр Иванович.

Двумя ладонями пригладив незначительные седые волосы, он полез во внутренний карман за ручкой. Не нашёл и растерянно посмотрел на меня. Пришлось всё-таки встать с дивана и найти ручку. А дальше было так.

Стоит, бедняга, посреди комнаты, в одной руке договор, в другой ручка, подмышкой бутылка шампанского, в глазах безумная тоска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.